

*Елена Тыканова, Анисья Хохлова*

## **«МЕЖДУ МИРАМИ»: ПОЗИЦИИ ИГРОКОВ В ПОЛЯХ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ДЕЙСТВИЯ В СИТУАЦИЯХ (НЕ)СОХРАНЕНИЯ ГОРОДСКОГО ДЕРЕВЯННОГО ЗОДЧЕСТВА**

Сохранение деревянного зодчества в российских городах становится не только вопросом культурного наследия, но и поводом для формирования новой политики — политики участия. Вокруг ветшающих деревянных домов возникают сообщества активистов, градозащитников, волонтеров, реставраторов, меценатов и чиновников, объединенных стремлением сохранить городское культурное наследие. Однако эти акторы часто совмещают противоречивые роли — например, представителя власти и гражданского активиста, — что заставляет их искать баланс между разными институциональными логиками и правилами игры. Опираясь на теорию полей стратегического действия Н. Флигстина и Д. Макадама в интерпретации А. Р. Алам-сиаха и других исследователей, статья анализирует, с какими дилеммами и противоречиями сталкиваются акторы, действующие внутри сразу двух полей одновременно. Эмпирическую базу составили 35 полуструктурированных интервью, проведенных в Нижнем Новгороде, Вологде и Тотьме — городах, различающихся по масштабу и комбинациям игроков, вовлеченных в сохранение деревянной архитектуры. Результаты показывают, что совпадение логик полей — например, власти и гражданских инициатив — создает условия для обмена ресурсами и совместного производства общественного блага. Но когда одно поле подчинено другому, возникают вну-

---

Елена Валерьевна Тыканова — к. социол. н., зам. директора по научной работе, зав. сектором социоурбанистики, вед. н.с., Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1060-0064>. Электронная почта: [elenatykanova@gmail.com](mailto:elenatykanova@gmail.com)

Анисья Михайловна Хохлова — к. социол. н., доцент, факультет социологии, Санкт-Петербургский государственный университет; ст. н.с., Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2057-7988>. Электронная почта: [anisya\\_khokhlova@mail.ru](mailto:anisya_khokhlova@mail.ru)

тренние (ценностные) и внешние (структурные) противоречия, связанные с расхождением норм, ролей и систем ответственности. Наиболее острые конфликты происходят между институциональными полями власти и полями протестной общественной активности, когда акторы рискуют потерять автономию или быть вытесненными из поля. Однако даже если игрок действует в принципиально разноположных полях, характер и масштаб противоречий зависит от его позиций в каждом поле и наличия сильных союзников в поле государственной власти. Если позиции игрока миноритарны, а союзников в поле власти нет, доминируют структурные противоречия. В противном случае структурные противоречия могут уступать ценностным. Таким образом, исследование выявляет, как в сфере охраны культурного наследия формируются новые модели участия и согласования интересов — ключевые для понимания современной социальной политики в России.

*Ключевые слова:* поля стратегического действия, гражданское участие, культурное наследие, деревянное зодчество, город

Цитирование: Тыканова Е. В., Хохлова А. М. (2025) «Между мирами»: позиции игроков в полях стратегического действия в ситуациях (не) сохранения городского деревянного зодчества. *Журнал исследований социальной политики*, 23 (3): 433–448.

DOI: 10.17323/727-0634-2025-23-3-433-448

Деревянная застройка по-прежнему формирует культурный ландшафт многих российских городов, выступая элементом конструирования уникальной исторической среды (Бахарева, Садова 2021: 7). Однако из-за специфики материала без должного ухода деревянные сооружения быстро разрушаются. Для городских администраций и значительной части жителей они часто представляют лишь ветхий жилой фонд, а в публичных дискуссиях закрепляется образ «гнилушек» и «трущоб». В рамках программ «обновления городской среды» деревянная застройка нередко рассматривается как обременение территории, подлежащей освобождению под новое коммерческое строительство. В то же время для других городских игроков — активистов, исследователей, краеведов, меценатов — деревянная застройка может представлять ценность и как историческое наследие, и как привычный, связанный с памятью и ностальгией, материальный ландшафт. Деятельность таких акторов направлена на социальное производство ценности этих объектов: придание им статуса наследия, легитимацию в публичном пространстве и защиту от утраты — через реставрацию, музеефикацию или иное приспособление под современные нужды.

Растущая обеспокоенность состоянием деревянной городской среды стимулировала появление многочисленных общественных инициатив, ставших важным элементом современной гражданской инфраструктуры (Желнина, Тыканова 2019). Эти проекты варьируются от локальных объединений, борющихся за сохранение деревянного зодчества в Вологде, Томске

и Нижнем Новгороде, до сетевых форм участия вроде волонтерского фестиваля «Том Соьер Фест» (ТСФ, Самара, с 2015 г.). Изначально ориентированный на косметическое восстановление фасадов, ТСФ превратился в платформу гражданской самоорганизации и инструмент формирования нового образа деревянного наследия как общественного ресурса<sup>1</sup>. Наряду с ним действуют и другие российские инициативы разной степени институционализации: проект «Общее дело», фонд «Вереница», АНО «Иркутские кварталы» с программой «Фасадник», а также Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК), фонд «Внимание» и движение «Усадьбные волонтеры», которые видят задачей поддержание исторического наследия и работают над сохранением деревянной архитектуры. Несмотря на различие организационных форм, все они демонстрируют процесс гражданского присвоения темы наследия и постепенный переход от профессионально-экспертного к общественному режиму его сохранения.

В нашем исследовании внимание сосредоточено на акторах, одновременно принадлежащих к нескольким полям стратегического действия (ПСД)<sup>2</sup> и совмещающих различные профессиональные и социальные роли. Нас интересует не столько взаимодействие между участниками в сфере сохранения наследия, сколько индивидуальные стратегии тех, кто совмещает позиции в двух полях — например, чиновника и активиста, эксперта и собственника, представителя власти и волонтера. При этом одно из полей может вовсе не относиться к деятельности по сохранению деревянных домов — например, включать работу в государственных структурах иной отраслевой направленности. Мы стремимся выявить, с какими сложностями в работе по сохранению деревянной архитектуры сталкиваются акторы, одновременно включенные в два поля стратегического действия. Такие акторы совмещают разные институциональные роли и логики, что делает их положение уязвимым и потенциально конфликтным. Их опыт позволяет понять, как одновременная принадлежность к разным полям влияет на устойчивость их позиций, распределение ресурсов и возможности участия в процессах, связанных с городской средой и ее изменениями.

### **Социологические исследования сохранения исторического наследия в России**

Вопросы сохранения исторического наследия в России стали заметным направлением социологических исследований, сосредоточенных на изучении новых форм гражданского участия и культурной самоорганизации. Одним из наиболее известных примеров анализа волонтерских практик является интерпретация движения ТСФ как своеобразного «третьего места» (Oldenburg 1991), обладающего мобильностью, т.е. способного перемещаться из района

<sup>1</sup> На данный момент они действуют в 80 городах (Том Соьер Фест — Россия 2024).

<sup>2</sup> О полях стратегического действия см. раздел статьи «Теория полей».

в район и из города в город, создавая новые сообщества участия (Бахарева, Садова 2021). Другие работы показывают, как профессионалы в сфере «культурозащитных» движений включаются в публичную деятельность, балансируя между экспертными и активистскими ролями, и тем самым легитимируют собственные практики (Гладарев 2011; 2012; Gladarev, Lonkila 2013). Исследование московского движения «Архнадзор» раскрывает влияние политического, социального и экономического контекста на развитие градозащитных инициатив (Зверев 2016: 93–94) и демонстрирует процесс постепенной политизации охраны памятников (Зверев 2017: 123). Важным направлением анализа становится также институционализация гражданской активности: вовлечение горожан в сохранение исторической среды может происходить как «снизу» — через опривычивание и самоорганизацию, так и «сверху» — посредством «импорта» готовых институтов (Смолева 2021: 244).

Важный вклад в развитие исследований наследия в России внесли работы, анализирующие, как сама категория «ценности» конструируется в общественном и экспертном дискурсах. Так, А. Колесник и П. Русанов, опираясь на концепцию Л. Смит об «авторизованном дискурсе наследия», показывают, что представления о якобы «врожденной» ценности объектов в реальности формируются в результате экспертной номинации. Однако этот процесс не является монополией профессионального сообщества: к определению и переопределению культурного наследия подключаются участники низовых мемориальных инициатив и градозащитных движений (Kolesnik, Rusanov 2021). Схожим образом Л. Чернышева и А. Хохлова (2021) демонстрируют, что ценность городских объектов не задана изначально, а постоянно оспаривается и (пере)утверждается акторами в ходе городских конфликтов, что позволяет говорить о «работе» по созданию наследия как об особой социальной практике.

Развивая эту линию, в статье рассматриваются процессы наделения ценностью и защиты культурных объектов — в нашем случае, образцов деревянного зодчества — через призму позиций самих акторов. Нас интересует, каким образом участники взаимодействий, совмещающие роли в разных полях стратегического действия, консолидируют ресурсы, балансируют между противоречивыми логиками и сталкиваются с неопределенностями, возникающими из их «двойственного» положения.

## Теория полей

Изучая «двойственные» позиции акторов, вовлеченных в процессы сохранения деревянной застройки, мы опираемся на теорию полей стратегического действия (ПСД) Н. Флигстина и Д. Макадама (2022). В их понимании поле представляет собой арену, где индивидуальные и коллективные акторы конкурируют за стратегические преимущества, выстраивая взаимодействия и коалиции. Каждое поле включает доминирующих игроков/инкумбентов

(*incumbents*), контролирующих ресурсы, задающих «правила игры» — господствующие ценности и фреймы — и стремящихся сохранить установленный ими *status quo*; претендентов/челленджеров (*challengers*) — миноритарных акторов, добивающихся изменения существующего порядка и перераспределения ресурсов; а также внутренние единицы управления (БЕУ), сертифицирующие принадлежность акторов к полю, поддерживающие рутинный порядок и обеспечивающие связи с внешней средой. ПСД могут находиться в разных отношениях — автономных, иерархически зависимых (асимметричных) или реципрокных (взаимно дополняющих) (Там же). ПСД устроены как своеобразные «матрешки»: все коллективные акторы, действующие в сфере (не)сохранения деревянных зданий (общественные объединения, органы государственного управления, бизнес и другие), в свою очередь также представляют собой самостоятельные ПСД. В борьбе за стратегические преимущества участники полей вынуждены постоянно учитывать интенции и действия других акторов, соотнося собственные цели, ресурсы и стратегии с целями контрагентов. Именно эта взаимная адаптация делает поля внутренне подвижными: любой достигнутый консенсус, каким бы устойчивым и желательным он ни казался, может быть оспорен или разрушен (Fligstein, McAdam 2011: 3).

Программные тексты Н. Флигстина и Д. Макадама вызвали активную дискуссию в научном сообществе, касающуюся прежде всего самой конструкции поля стратегического действия — его масштабов, внутренней динамики и принципов взаимодействия между полями. В этой главе мы сосредоточимся на одном из аспектов этой критики — попытках развить и уточнить теорию ПСД в части, связанной с типами и отношениями акторов. Так, Дж. Голдстоун и Б. Усим предложили расширить типологию участников полей, включив в нее автономные институты — политические и экономические — а также «нейтральных наблюдателей», чья поддержка может стать ресурсом как для доминирующих игроков, так и для претендентов. Они отмечают, что отношения внутри поля не сводятся к открытому противостоянию: наряду с инкумбентами и челленджерами в поле могут действовать «контрдвижения», не совпадающие ни с одной из сторон и формирующие собственные интересы и повестки (Goldstone, Useem 2012: 39). Авторы также уточняют, что функция БЕУ не ограничивается обслуживанием интересов доминирующих акторов. Такая зависимость может быть характерна для авторитарных ПСД, но в более демократических контекстах БЕУ могут выполнять роль независимых структур, поддерживающих баланс между игроками и устойчивость взаимодействий (Ibid). Наконец, Голдстоун и Усим обращают внимание, что борьба за стратегические преимущества разворачивается не только между инкумбентами и челленджерами, но и между самими доминирующими игроками, что делает поля менее устойчивыми и более конфликтными, чем предполагала исходная модель. Более того, вопреки утверждению Флигстина и Макадама о стремлении инкумбентов к сохранению *status quo*, именно они нередко становятся драйверами изме-

нений и дестабилизируют поле своей активностью (Ibid: 39–40). Схожую мысль развивает Дж. Джаспер, отмечая, что акторы, обладающие властью и ресурсами, стремясь укрепить свои позиции, часто сами запускают внутренние трансформации и тем самым нарушают стабильность поля (Jasper 2021: 6).

Развивая теорию ПСД, А. Р. Аламсиах предлагает отказаться от дихотомического представления о противостоянии доминирующих акторов и претендентов и описывать отношения в полях как «градуальный континуум» (*gradual continuum*) (Alamsyah 2022: 100). Между крайними полюсами этого континуума могут существовать игроки, сочетающие черты обеих сторон: поддерживающие инкубентов ради получения выгод (симбиционисты), маневрирующие между ролями в зависимости от обстоятельств (оппортунисты), действующие изнутри поля с целью его постепенного преобразования (субверсивные акторы) и публично выражающие неприятие правил поля (мятежники) (Ibid: 111–112). К этой типологии примыкает и наблюдение В. Радаева, изложенное в его авторском предисловии к русскому изданию книги Н. Флигстина и Д. Макадама. Радаев выделяет особую категорию «выживающих» (*survivors*) — малозаметных участников, стремящихся лишь сохранить свое присутствие в поле, не претендуя на влияние или изменения (Флигстин и Макадам 2022: 15).

Ряд исследователей отмечает, что акторы способны одновременно участвовать в нескольких полях стратегического действия, что выходит за рамки исходной модели Флигстина и Макадама (Kungl, Hess 2021: 29). А. Р. Аламсиах показывает, что отдельные субъекты могут занимать позиции как «внутренних», так и «внешних» участников одного и того же поля (Alamsyah 2022: 1). В настоящем исследовании этот подход оказывается особенно продуктивным: сохранение деревянной архитектуры в российских городах разворачивается в пространстве взаимодействия нескольких ПСД — государственной власти, бизнеса, общественного активизма, экспертного знания и др. Одни и те же участники — например, чиновники, одновременно вовлеченные в волонтерские инициативы, или профессиональные реставраторы, выступающие в роли гражданских активистов, — принадлежат разным полям и сталкиваются с противоречиями, возникающими из несовпадения их институциональных логик. При этом позиция инкубента в одном поле вовсе не гарантирует доминирующего положения в другом. Анализ подобных ситуаций позволяет выявить скрытые напряжения внутри полей и между ними, а также показать, как в отдельных случаях акторы, совмещающие разные роли, способствуют большей согласованности и взаимопониманию между полями в деле сохранения деревянного наследия.

## Эмпирические данные и метод

Эмпирическая база исследования сформирована на материалах полевых исследований, проведенных в трех городах, различающихся по масштабу

и институциональному контексту, а также по составу акторов, вовлеченных в сохранение исторического наследия: в городе-миллионнике (Нижний Новгород), крупном региональном центре (Вологда) и малом городе (Тотьма). Такой выбор позволил рассмотреть разные организационные и институциональные конфигурации, в рамках которых реализуются инициативы по сохранению деревянного зодчества. В каждом городе изучены три кейса, различающиеся по исходу (от успешного сохранения до утраты объектов) и составу участников.

Критерием отбора кейсов служило наличие устойчивых взаимодействий между представителями различных полей стратегического действия — власти, общественного активизма, экспертного сообщества и бизнеса — по поводу судьбы конкретных объектов деревянной архитектуры. Исследование включало анализ случаев: «Заповедные кварталы» (проект развития исторического квартала церкви Трех Святителей, инициированный городскими активистами при участии Правительства Нижегородской области и потребовавший учреждения государственно-частных АНО, управляющих территорией), Квартал 1833 (сохранивший границы застройки еще с XIX в., но утрачивающий деревянные здания, несмотря на усилия градозащитников) и квартал «Красный Просвещенец» (комплекс жилых деревянных домов, построенный в 1920-х гг. в соответствии с советскими идеалами города-сада, который сегодня находится под угрозой сноса в рамках программы КРТ). В Вологде мы обратились к истории т.н. «домов Якимовых» (пять деревянных зданий, восстановленных на средства семьи предпринимателей) и Дома Шахова (двухэтажного деревянного здания с мезонином, получившего статус ОКН федерального значения, но постепенно ветшавшего, несмотря на усилия градозащитников, и, в конечном итоге, уничтоженного пожаром), а также изучили «Квартал меценатов» (инициированный городскими властями проект превращения квартала средовой деревянной застройки в историко-просветительское пространство на базе музея «Дом купца Самарина»). В Тотьме мы сфокусировались на Доме Токарева (спасенном от разрушения деревянном особняке, который превращен в культурно-деловой центр «Дом мецената» усилиями городских музейщиков и Фонда общественных инициатив «Соль Земли» при поддержке чиновников), арт-кластере «Городской сад» (проекте восстановления бывшего детского сада «Василек» силами волонтеров ТСФ, учредившими для этой цели собственное АНО, и превращения его в общественное пространство и креативный кластер) и частных деревянных домах, некоторые из которых ветшают и разрушаются, тогда как другие — ремонтируются собственниками.

Эмпирические данные собраны методом полуструктурированных интервью с участниками взаимодействий: активистами, жильцами, чиновниками, меценатами, реставраторами и экспертами (N=35, в том числе 13 — в Нижнем Новгороде; 14 — в Вологде, 8 — в Тотьме). Сбор полевых данных в Нижнем Новгороде осуществлен в марте 2024 г., а в Вологде и Тотьме — в сентябре 2024 г. Для последующего анализа отобраны интервью с информантами, включенными одновременно в два поля стратегического действия,



путем перебора фрагментов полученных нарративов, которые попадали под коды «игрок поля стратегического действия (<наименование>)», присвоенные в соответствии с самоидентификацией информантов. Таких информантов в Нижнем Новгороде оказалось три, в Вологде — два, в Тотьме — четыре. Теоретически возможно одновременное участие актора в трех и более полях, однако такие случаи в наших эмпирических материалах не зафиксированы.

Для интерпретации собранных нарративов проведен тематический анализ, позволивший индуктивно определить позиции игроков в полях стратегического действия в зависимости от их декларируемых позиций по поводу судьбы деревянной застройки, (не)признания ценности деревянных зданий и способов легитимации их (не)ценности, доступных экономических, политических, символических и пр. ресурсов, артикулируемых целей и амбиций в поле и др. Кроме того, анализ помог выявить, как акторы балансируют между двумя полями, какие позиции занимают в каждом из них, а также раскрыть характер проблем и противоречий, возникающих в процессе совмещения различных институциональных ролей.

### **Отсутствие противоречий и консолидация ресурсов**

В рамках исследования игрок рассматривался как принадлежащий к определенному ПСД, если он идентифицировал себя с ним, разделял его смыслообразующие основания и следовал установленным «правилам игры». ПСД в сфере охраны исторического наследия различаются по масштабу и могут быть устроены по принципу «матрешки», когда более крупное поле включает в себя одно или несколько меньших. Динамичный характер таких полей — их способность зарождаться, изменяться и исчезать — делает их границы подвижными и аналитически трудноуловимыми.

Анализ эмпирических данных показывает, что характер взаимосвязей между полями варьируется от города к городу. В Нижнем Новгороде и Тотьме акторы действуют в рамках тесно взаимосвязанных полей — например, активистского и административного. Эти поля могут взаимодействовать по-разному: иногда они строят взаимовыгодные, реципрокные отношения, а иногда одно из них оказывается зависимым от другого. Такая конфигурация заставляет игроков непрерывно искать компромиссы и согласовывать правила взаимодействия. Именно эта необходимость постоянного согласования и делает их положение особенно уязвимым. В Вологде подобная взаимосвязанность встречается значительно реже: здесь ключевые поля, включая бизнес-сферу, сохраняют относительную автономию<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> Большинство акторов в изученных нами кейсах идентифицируют себя с одним ПСД и действуют в его пределах.



Анализ показывает, что двойственная принадлежность акторов к разным полям не всегда приводит к противоречиям. Напротив, она может становиться источником ресурсов, когда логики полей совпадают или взаимно поддерживают друг друга. Так, сотрудники Тотемского музейного объединения, занимавшие в поле государственных учреждений культуры подчиненное положение (тип «выживающих»), по инициативе руководства познакомились с деятельностью движения ТСФ и постепенно включились в него как волонтеры. Со временем они учредили собственное АНО для создания креативного кластера «Городской сад», превратившись в инкубентов поля городского активизма. Эта инициатива получила поддержку как со стороны музейного сообщества, так и со стороны местных властей, что свидетельствует о комплементарности двух полей и возможности переноса социального и культурного капитала из одного поля в другое.

[Имена], которые восстанавливают здания деревянные и бывший детский сад «Василек». Вот они же как раз и работники музея. Они сначала работали исключительно командой музея и видели, как те или иные проекты реализуются, гранты пишутся. Сейчас они фактически находятся в самостоятельном плавании. То есть музей никаким образом не курирует проект «Городской сад» и проект возрождения этого здания: они сами за него взялись (И1).

Сходным образом жительница нижегородского квартала «Красный просвещенец» — архитектор-реставратор и признанный эксперт в области охраны историко-культурного наследия, выступающая против сноса деревянного комплекса, — объединяет вокруг себя соседей, используя профессиональные знания и авторитет, и фактически становится инкубентом в поле локального активизма. Для мобилизации жильцов она инициирует проект по признанию деревянного квартала достопримечательным местом, тем самым конвертируя экспертный капитал и статус в инструмент защиты деревянной застройки: «...народ объединился против КРТ, тут уже сообщество стало крепнуть. Мы сделали — я лично и моя студентка — проект достопримечательного места. Что эта территория есть достопримечательное место. Что это за вид ОКН» (И2).

Оба примера демонстрируют, что совпадение логик разных полей создает условия для взаимного признания и совместного производства ценности деревянного наследия.

### Ценностные противоречия

В некоторых случаях участие акторов в двух ПСД не порождает структурных конфликтов, но приводит к ценностным сдвигам и переосмыслению профессиональной идентичности. Так, в Тотьме исторически сложилась устойчивая сопряженность трех полей — городской и районной власти, общественных объединений и государственных учреждений

культуры, основанная на отношениях сотрудничества и взаимной поддержки между тремя ключевыми представителями каждого поля, которых информанты называют «триумвиратом». В рамках этого союза постепенно формируются согласованные определения ценности деревянной застройки и способов ее исследования, экспонирования и сохранения.

Показателен опыт представительницы ведущего городского АНО — инкумбента в поле общественных инициатив и одновременно одного из доминирующих игроков в бизнес-среде. Она описывает, как участие во взаимодействии акторов из разных полей изменило ее взгляд на деревянные дома: если прежде они воспринимались ею исключительно в терминах нерентабельности, то под влиянием общения с музейными специалистами они стали осознаваться как часть культурного наследия и материальной памяти сообщества:

Еще пять лет назад, если бы меня спросили, что лучше: снести дом старый и построить новый, — я бы, вообще не задумываясь, сказала: конечно, сносим. Вообще не важно, кто в нем жил, сколько ему лет и что там происходило. Но благодаря тому, что мы стали активно общаться с музейщиками, они меня начали потихоньку окультуривать (ИЗ).

Если в Тотьме межполевое взаимодействие способствует сближению ценностей и формированию конвенциональных «правил игры», то в Нижнем Новгороде оно, напротив, становится источником моральных дилемм. Стремление нижегородских градозащитников сохранить историческую деревянную застройку в «Заповедных кварталах» потребовало сотрудничества с областными властями. Это партнерство обеспечило активистам доступ к новым экономическим, информационным и инфраструктурным ресурсам, но одновременно лишило их независимости и сделало деятельность более формализованной. Информанты отмечают, что участие государства изменило саму логику работы: привычная гибкость и инициативность уступили место процедурам и согласованиям. Эта трансформация воспринимается не как техническая или организационная издержка, а как моральная проблема — сознательная жертва, на которую активистам пришлось пойти ради спасения квартала:

...раньше мы делали все просто по опыту — проще, легче, где-то без согласования. А сейчас, конечно, структура с государственным участием предполагает всю необходимую документацию, согласование на любой проект, на любую инициативу. Нельзя уже так взять, как мы раньше: пришли с волонтерами — взяли, восстановили освещение, которое коротило, проводку (И4).

Этот пример показывает, что согласование логик разных полей требует от акторов не только организационных компромиссов, но и пересмотра собственной этики участия. Для градозащитников включение в государственные структуры означает обмен автономии на доступ к ресурсам, что

воспринимается как неизбежная, но морально амбивалентная плата за возможность сохранить наследие.

### Структурные противоречия

Для кейсов Тотьмы характерна тесная взаимосвязанность трех ПСД, из-за чего акторы нередко действуют за пределами собственных институциональных границ, «на чужом поле». Самими игроками такая активность воспринимается как естественная и оправданная, однако извне она может трактоваться как выход за рамки полномочий: *«Мы просто берем на себя работу, определенную ответственность за город, в котором живем. А люди считают, что мы слишком увлекаемся другими какими-то проектами, городской средой, [тогда как следовало бы] лучше модернизировать экспозиции»* (И1).

Если в Тотьме структурные противоречия возникают из-за размывания границ между полями, то в Нижнем Новгороде — напротив, из-за их жесткой иерархизации. Активисты, вовлеченные в проект «Заповедные кварталы», после перехода в структуру с государственным участием сталкиваются с ограничением агентности и репутационными рисками:

Там сейчас такая позиция, что вам отдали «Заповедные кварталы», вот там и развлекайтесь. Это все, что останется. Остальное — это наше. Все идет под застройку. Градозащитникам выделили «Заповедные кварталы» как собственную вотчину, которая будет сохранена. Остальные дома будут уничтожаться (И5).

Потеря агентности осознается информантами как ключевая проблема включения в поле власти. Неожиданный снос исторического здания в Квартале 1833 стал переломным моментом, который обнажил конфликт между двумя полями, вынудив одну из активисток нарушить неписанные правила сотрудничества и действовать в соответствии с нормами градозащитного движения — выйти в одиночный пикет. Таким образом, именно в момент конфликта выявляется глубинное структурное противоречие между двумя полями: формальная интеграция в систему власти не устраняет, а обостряет границу между административной и гражданской логиками действия.

Примечательно, что выступление И5 в роли *мятежника* не имело серьезных последствий для ее карьеры в государственном АНО. Это можно объяснить как сильными позициями информантки в собственных полях, так и поддержкой со стороны доминирующего игрока в поле региональной власти — губернатора области. Иной исход наблюдается в истории вологодской активистки, потерявшей работу в государственной структуре из-за участия в протестной деятельности. Являясь инкубентом в поле градозащиты, она занимала уязвимое положение «выживающей» в поле власти и не обладала ресурсом институциональной поддержки:

... я работала <...> занималась анализом и прогнозированием на чиновничьей работе <...> И, с другой стороны, вот это вот краеведение, которое совершенно не сочеталось с чиновничьей работой, конечно. А здесь у нас такое, скажем так, радикальное краеведение. Случилось, что конфликт интересов сложился в моей госслужбе. <...> И я ушла с госслужбы по сокращению (И6).

Эти примеры показывают, что структурные противоречия усиливаются в зависимости не только от конфигурации полей, но и от распределения ресурсов внутри них: сильные позиции и союзники в поле власти смягчают последствия конфликта, тогда как периферийное положение в одном из полей делает акторов уязвимыми.

## Заключение

Данная статья развивает теорию полей стратегического действия Н. Флигстина и Д. Макадама, а также идеи А. Р. Аламсиаха, Г. Кунгла и Д. Хесса о множественной принадлежности акторов к разным полям. Мы показали, что акторы могут занимать позиции одновременно в нескольких полях и что их двойственная принадлежность порождает специфические формы взаимодействия, требующие пересмотра классических представлений о стабильности и нормах полей. Наш анализ позволяет более детально описать такие ситуации и выявить типы противоречий, возникающих у акторов, совмещающих разные институциональные логики или вынужденных выбирать между ними.

Эмпирическое исследование показало: когда ПСД взаимно дополняют друг друга и находятся в отношениях реципрокности, пересечение их логик не ведет к заметным противоречиям для игроков. Напротив, оно может способствовать обмену ресурсами и формированию новых форм сотрудничества. Если же между полями складываются отношения зависимости или подчинения, появляются противоречия двух типов — внутренние, связанные с ценностными коллизиями и пересмотром представлений о долге и общественном благе, и внешние, обусловленные ролевыми конфликтами и расхождением институциональных норм и правил полей. Игроки способны артикулировать потенциальный риск противоречия или осознавать его как часть реального опыта. Кризисные ситуации, в которых эти различия становятся явными, трансформируют потенциальные противоречия в реальные, а в отдельных случаях — приводят к утрате агентности или вытеснению актора из поля.

Наиболее острые конфликты, вплоть до вытеснения акторов из ресурсов ПСД, возникают между полем власти и полями гражданской протестной активности. Их исход зависит от положения акторов и характера их связей: сильные позиции и наличие союзников в поле власти смягчают структурные противоречия, оставляя в фокусе ценностные разногласия, тогда как периферийное положение, напротив, усиливает конфликт и повышает риск потери позиций или исключения из поля. Рассмотренные случаи демонстрируют,

что сфера сохранения деревянного наследия становится ареной, где проявляются различные формы публичной и гражданской активности. Здесь особенно заметно, как в процессе (рас)согласования интересов государства, экспертного сообщества и общественных инициатив вырабатываются новые практики (не)участия и распределения ответственности за общее благо.

### Выражение признательности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24–28–01093, <https://rscf.ru/project/24–28–01093/>.

Редакция благодарит программу «Университетское партнерство» за поддержку и возможность опубликовать данную статью.

### Список источников

- Бахарева М. А., Садова Е. С. (2021) «Том Сойер Фест» в Вологде: опыт участия горожан в сохранении исторического облика города. *Городские исследования и практики*, 6 (3): 7–21.
- Гладарев Б. С. (2011) Историко-культурное наследие Петербурга: рождение общественности из духа города. О. Хархордин (ред.) *От общественного к публичному*. СПб.: ЕУ: 71–304.
- Гладарев Б. С. (2012) Градозащитные движения Петербурга накануне «зимней революции» 2011–2012 г.: анализ из перспективы французской прагматической социологии. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 110 (4): 29–43.
- Желнина А. А., Тыканова Е. В. (2019) Формальные и неформальные гражданские инфраструктуры: современные исследования городского локального активизма в России. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 22 (1): 162–192.
- Зверев А. А. (2016) «Мы наш, мы новый мир построим!» Факторы эволюции движения по охране памятников в Москве (1990–2015 гг.). *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*, 12 (1): 90–105.
- Зверев А. А. (2017) Политическое измерение охраны памятников в России: кейс московского движения Архнадзор. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*, 19 (2): 118–129.
- Смолева Е. О. (2021) Формирование практик участия граждан в развитии городской среды: хаби́туализация или институционализация «сверху». *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*, 14 (5): 244–260.
- Чернышева Л. А., Хохлова А. М. (2021) Создавая ценность и аутентичность: городские конфликты вокруг исторических зданий. *Журнал исследований социальной политики*, 19 (2): 223–238.
- Флигстин Н., Макадам Д. (2022) *Теория полей*. М.: ВШЭ.
- Alamsyah A. R. (2022) Gradation of Actors, Interplay of Roles, Range of Cooperation, and Composition in Embeddedness: Complementary Ideas for Strategic Action Field Theory. *Masyarakat: Jurnal Sosiologi*, 27 (2), 23: 97–120.
- Fligstein N., McAdam D. (2011) Toward a General Theory of Strategic Action Fields. *Sociological Theory*, 29 (1): 1–26.
- Gladarev B., Lonkila M. (2013) Justifying Civic Activism in Russia and Finland. *Journal of Civil Society*, 9 (4): 375–390.
- Goldstone J. A., Useem B. (2012) Putting Values and Institutions Back into the Theory of Strategic Action Fields. *Sociological Theory*, 30 (1): 37–47.
- Jasper J. M. (2021) Linking Arenas: Structuring Concepts in the Study of Politics and Protest. *Social Movement Studies*, 20 (2): 243–257.
- Kolesnik A. S., Rusanov A. V. (2021) Cultural Heritage in Russian Public Memorial Practices. *Public History Weekly*. Available at: <https://clck.ru/3PebyA> (accessed 30 August 2024).
- Kungl G., Hess D. J. (2021) Sustainability Transitions and Strategic Action Fields: A Literature Review and Discussion. *Environmental Innovation and Societal Transitions*, (38): 22–33.
- Oldenburg R. (1991) *The Great Good Place: Cafes, Coffee Shops, Bookstores, Bars, Hair Salons, and Other Hangouts at the Heart of a Community*. New York: Marlowe.

## **BETWEEN WORLDS: POSITIONS OF ACTORS IN STRATEGIC ACTION FIELDS IN SITUATIONS OF (NON-) PRESERVATION OF URBAN WOODEN ARCHITECTURE**

The preservation of wooden architecture in Russian cities today is not only a matter of cultural heritage, but also a context for the emergence of a new policy: participation. Communities of activists, heritage defenders, volunteers, restorers, patrons, and officials have formed around aging wooden houses, united by the goal of protecting urban cultural heritage. However, these actors often combine conflicting roles, such as those of a state official and a civic activist, forcing them to strike a balance between different institutional logics and 'rules of the game.' Drawing on Neil Fligstein and Doug McAdam's theory of strategic action fields, as interpreted by A. R. Alamsyah and other scholars, this article explores the dilemmas and contradictions faced by actors operating within two different fields simultaneously. The empirical base comprises 35 semi-structured interviews conducted in Nizhny Novgorod, Vologda, and Totma — cities that differ in size, as well as in the configurations of actors involved in the preserving wooden architecture. The findings show that when the logics of the fields — for example, those of the state and civic initiatives — coincide, conditions are created for the exchange of resources and the joint production of public goods. However, when one field becomes subordinate to another, internal (value-related) and external (structural) contradictions arise, associated with diverging norms, roles, and systems of responsibility. The sharpest conflicts occur between the institutional fields of state power and the fields of civic protest activity, where actors risk losing autonomy or being excluded from the field altogether. Nevertheless, even when actors operate within fundamentally different fields, the nature and intensity of the contradictions they face depend on their position within each field, as well as on the presence (or absence) of strong allies within the state power field. When an actor occupies a marginal position and lacks support from the power field, structural contradictions prevail; otherwise, structural tensions may give way to value-based ones. Thus, the study reveals how new patterns of participation and coordination of interests are emerging within the sphere of cultural heritage preservation — key dimensions for understanding contemporary social policy in Russia.

*Keywords:* strategic action fields, civic participation, cultural heritage, wooden architecture, city

---

Elena Tykanova — Cand. Sci. (Sociol.), Deputy Director for Research, Head of the Socio-Urban Studies Department, Leading Research Fellow, Sociological Institute of the IS FCTAS RAS, St. Petersburg, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1060-0064>. Email: [elenatykanova@gmail.com](mailto:elenatykanova@gmail.com)

Anisya Khokhlova — Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Professor, Faculty of Sociology, St. Petersburg State University; Senior Research Fellow, Sociological Institute of the IS FCTAS RAS, St. Petersburg, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2057-7988>. Email: [anisya\\_khokhlova@mail.ru](mailto:anisya_khokhlova@mail.ru)

Citation: Tykanova E., Khokhlova A. (2025) 'Mezhdru mirami': pozitsii igrokov v polyakh strategicheskogo deystviya v situatsiyakh (ne)sokhraneniya gorodskogo derevyannogo zodchestva [Between Worlds: Positions of Actors in Strategic Action Fields in Situations of (Non-) Preservation of Urban Wooden Architecture]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 23 (2): 433–448.

DOI: 10.17323/727-0634-2025-23-3-433-448

## References

Alamsyah A. R. (2022) Gradation of Actors, Interplay of Roles, Range of Cooperation, and Composition in Embeddedness: Complementary Ideas for Strategic Action Field Theory. *Masyarakat: Jurnal Sosiologi*, 27 (2), 23: 97–120.

Bakhareva M., Sadova E. (2021) 'Tom Sawyer Fest' v Vologde: opyt uchastiya gorozhan v sokhraneni istoricheskogo oblika goroda [Tom Sawyer Fest in Vologda: The Experience of Public Participation in Preserving the Historical Image of the City]. *Gorodskiy issledovaniya i praktiki* [Urban Studies and Practices], 6 (3): 7–21.

Chernysheva L.A., Khokhlova A. M. (2021) Sozdavaya tsennost' i autentichnost': gorodskiy konflikt vokrug istoricheskikh zdaniy [Creating Value and Authenticity: Urban Conflicts Around Historical Buildings]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 19 (2): 223–238.

Fligstein N., McAdam D. (2011) Toward a General Theory of Strategic Action Fields. *Sociological Theory*, 29 (1): 1–26.

Fligstein N., McAdam D. (2022) *Teoriya poley* [A Theory of Fields]. Moscow: HSE.

Gladarev B. S. (2011) Istoriko-kul'turnoye naslediy Peterburga: rozhdeniye obshchestvennosti iz dukha goroda [Historical and Cultural Heritage of St. Petersburg: The Birth of the Public from the Spirit of the City]. In: O. Kharkhordin (ed.) *Ot obshchestvennogo k publichnomu* [From the Communal to the Public]. St. Petersburg: European University Publishing: 71–304.

Gladarev B. S. (2012) Gradozashchitnyye dvizheniya Peterburga nakanune 'zimney revolyutsii' 2011–2012 g.: analiz iz perspektivy frantsuzskoy pragmaticheskoy sotsiologii [Urban Protection Movements in St. Petersburg Before the 'Winter Revolution' of 2011–2012: French Pragmatic Sociology Analysis]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 110 (4): 29–43.

Gladarev B., Lonkila M. (2013) Justifying Civic Activism in Russia and Finland. *Journal of Civil Society*, 9 (4): 375–390.

Goldstone J. A., Useem B. (2012) Putting Values and Institutions Back into the Theory of Strategic Action Fields. *Sociological Theory*, 30 (1): 37–47.

Jasper J. M. (2021) Linking Arenas: Structuring Concepts in the Study of Politics and Protest. *Social Movement Studies*, 20 (2): 243–257.

Kolesnik A. S., Rusanov A. V. (2021) Cultural Heritage in Russian Public Memorial Practices. *Public History Weekly*. Available at: <https://clck.ru/3PebyA> (accessed 30 August 2024).



Kungl G., Hess D. J. (2021) Sustainability Transitions and Strategic Action Fields: A Literature Review and Discussion. *Environmental Innovation and Societal Transitions*, (38): 22–33.

Oldenburg R. (1991) *The Great Good Place: Cafes, Coffee Shops, Bookstores, Bars, Hair Salons, and Other Hangouts at the Heart of a Community*. New York: Marlowe.

Smoleva Ye.O. (2021) Formirovaniye praktik uchastiya grazhdan v razvitiy gorodskoy sredy: khabitualizatsiya ili institutsionalizatsiya 'sverkhu' [Forming the Practices of Citizens' Participation in the Development of the Urban Environment: Habitualization or Institutionalization from Above]. *Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 14 (5): 244–260.

Zhel'nina A. A., Tykanova E. V. (2019) Formal'nyye i neformal'nyye grazhdanskiye infrastruktury: sovremennyye issledovaniya gorodskogo lokal'nogo aktivizma v Rossii [Formal and Informal Civic Infrastructures: Contemporary Studies of Urban Local Activism in Russia]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 22 (1): 162–192.

Zverev A. A. (2017) Politicheskoye izmereniye okhrany pamyatnikov v Rossii: keys moskovskogo dvizheniya Arkhnadzor [Political Dimension of Heritage Preservation in Russia: Case of Moscow Movement Arkhnadzor]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya* [RUDN Journal of Political Science], 19 (2): 118–129.

Zverev A. A. (2016) 'My nash, my novyy mir postroim!' Faktory evolyutsii dvizheniya po okhrane pamyatnikov v Moskve (1990–2015 gg.) ['We Will Create Our New World!' Factors of Heritage Movement Evolution in Moscow 1990–2015]. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS* [POLITEX: Political Expertise], 12 (1): 90–105.